

фантастическая
история

Алексей Кулаков
Протышленникъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Александр Агренов

Алексей Кулаков
Промышленникъ

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Кулаков А. И.

Промышленникъ / А. И. Кулаков — «АЛЬФА-КНИГА»,
2013 — (Александр Агренов)

ISBN 978-5-9922-1591-5

Как изменить мир?.. И сложно, и просто одновременно. Начни с себя, сделай первый шаг – и мир вокруг тут же изменится следом за тобой. Вот только мало у кого на это хватает силы духа, увы. И у нашего современника, капризом судьбы попавшего в девятнадцатый век, на это не было ни силы, ни воли, ни даже малейшего желания. Но... Жизнь, как известно, самый лучший учитель. Не хочешь – заставит. Не можешь? Научит. Если только, ха-ха, не протянешь ноги в ходе учебного процесса. Он выжил. Переломил себя, переступил через собственную слабость, нетерпение и боль, неуверенность и страх, чужую и свою кровь – а заодно обрел новую цель, а вместе с ней и смысл жизни.

ISBN 978-5-9922-1591-5

© Кулаков А. И., 2013
© АЛЬФА-КНИГА, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Кулаков

Промышленникъ

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Обычно Прокофий, вот уже полтора десятка лет являвшийся бессменным старостой большого села Опалихино, на здоровье не жаловался. Некогда жаловаться: вся община на нем, чуть малейший спор или там неприятность какая – враз к нему бегут, рассуди да помоги. Ну и радостное что, вроде свадьбы или крестин, тоже без его участия не обходилось, да. А вот сегодня прямо с утра ему что-то занемоглось – с глазами что-то стало. Нет, смотреть-то смотреть, да вот поверить увиденному ну никак не получается...

– Доброго здоровьичка, Прокофий Афанасич!

Буркнув ответное приветствие, староста потоптался на месте. Сплюнул, и решил-таки подойти немного подальше. Вернее, поближе, к новому дому не так давно вернувшегося из солдатчины Саввы Вожина. Может, все же глаза его обманывают? Кстати, он не один такой был, у кого вдруг обнаружились проблемы со зрением – еще три сельчанина обсуждали что-то важное прямо напротив невысокого забора, огораживающего обширное вожинское подворье. Обсуждали и оторопело тарасились на рядовой процесс колки дров.

Чпок!

И очередной кругляк разваливался под колуном на три неравные части. Прокофий невольно проводил взглядом отлетевший в сторону кусок березовой коры и опять тяжело вздохнул. С одной стороны, он отчетливо видел, как молодой парень, даже еще и безусый, вот уже час спокойно махал колуном, потихоньку удлиняя и наращивая и без того немаленькую поленницу. С другой стороны, Саватей не упускал случая потравить байки о своей службе в пограничниках, и как минимум половина из них была про его командира, штаб-ротмистра князя Агренева. Уж каких только небывальщин не наслушались жители Опалихина! Поначалу-то мужики дружно решили, что отставной пограничник немного привирает, для пущего уважения и солидности. Дело понятное, даже можно сказать, что и житейское. А как начал Вожин по весне отстраиваться, так и засомневались – уж больно широко размахнулся отставник. Двухэтажный дом, да на каменном фундаменте, да прочие постройки с населившей их живностью – все это таких деньжищ стоит, никакими побасенками столько не наработать!..

Чпок!

Хотя от законного надела бывший конный объездчик сразу отказался, но в батраках его никто так и не увидел (и то сказать, кому нужен хромоногий работник), потому что копейки у него не переводились. Да что там копейки – на рубли деньги считал, и родственникам своим займы давал не жадничая. Вернее будет сказать – не сильно жадничая, но с большим разбором: таким, что и лопухом его никак не назвать, и сквалыгой-миroeдом не выставить. Особенно после того, как местный батюшка получил щедрое пожертвование. Чем сам благотворитель себе на жизнь зарабатывает, никто точно не ведал, но знающие люди не раз видели его в разъездах да разговорах с первыми купцами Грязовецкого уезда. Вот и в этот раз гость приехал, когда хозяина дома не было...

Чпок!

Трое мужиков рядом с забором совсем позабыли о своем важном разговоре, зачарованно наблюдая за тем, как их сельчанину колет дрова целый КНЯЗЬ, и к тому же штаб-ротмистр.

– Дядя Саша!

От пронзительно-звонкого девчоночьего голоса все очарование момента пропало: мужички заторопились по своим делам, староста непроизвольно вздрогнул, а молодой мужчина оставил в покое очередной чурбак и обернулся к десятилетней дочке Вожина, что стояла на пороге своего дома.

– Пойдемте кушать!

Ответ староста не расслышал, но и того, что прозвучало ранее, ему было достаточно. Ну и как теперь относиться к сельчанину, которого лично он помнил голопузым и босоногим мальцом, если ему такие люди не гнушаются дрова колоть? И так уже кое-кто поговаривает, что Вожин и в новых старостах неплохо бы смотрелся...

Глава 1

Хоть и не застал Александр своего бывшего денщика, но на гостеприимстве Марыси и заметно подросшей Ульянки это никак не сказалось. Первая радостно всплеснула руками и тут же засуетилась, устраивая такого драгоценного гостя в комнате, изначально для него и предназначенной, – Савва для своего благодетеля специально обустроил на втором этаже дома пару комнат, удивительно похожих по своей отделке и мебелировке на апартаменты князя, что были в Олькуше. А вторая и вовсе повисла у него на шее, довольно повизгивая и дрыгая ногами, и разжала руки только после упоминания о привезенных ей гостинцах.

«Не забыл, значит, ни моего обещания приехать, ни моих инструкций. Это радует».

Единственный, кто встретил гостя настороженностью и даже недовольством, так это большой толстый кот, считавший пустовавшие до этого комнаты исключительно своими. Судя по тому, что кошара шипел на него при каждом удобном случае, кот и сам дом, со всеми его жильцами, и подворье вокруг проводил по графе «Личная собственность» и терпеть такого наглого попрания законных прав не собирался. Кидаться на наглого захватчика он пока не спешил, но вот когда на следующее утро князь поднялся из теплой постели и стал одеваться, левый сапог оказался подозрительно сырым. И не снаружи, что было бы еще вполне приемлемо, а именно изнутри. Не обратив внимания на такую вроде бы мелочь, Александр спокойно проходил в них весь божий день: прогулялся по селу, отменно размялся на колке дров (аж прямо счастливое детство вспомнилось) и очень опрометчиво перенес посещение бани на следующий день. Пожалел он о таком своем решении уже перед сном, сняв с ноги злополучный сапог. Какой запах шел из голенища! Просто сказка. Страшная. Нет, глаза вроде бы и не резало... Так, разве что слегка пощипывало, зато всю сонливость как рукой сняло. Опять же, дощатый пол, по которому пришлось шлепать до Марыси, бодрил не хуже прогулки по руслу горного ручья.

– Ах ты ж, проказник какой!

Пока хозяйка многословно извинялась, грела воду и выдавала дорогому гостю теплые носки, князь поинтересовался, как зовут виновника и часто ли он позволяет себе так шутить.

– Васька-то? Шкода такая, что не приведи господи! Он у Ульянки в любимчиках, вот она его и разбаловала – тут кусочек, там кусочек, он уж и мышковать совсем перестал. Чего уж, и так кормят...

Носки оказались маловаты размером, зато отменно грели ноги, отчего испортившееся настроение опять поползло вверх.

– Только и делов, что соседских котов подрать да за кошками побегать.

Несмотря на осуждающий тон, было заметно, что полосатый разбойник и у старшей хозяйки пользуется немалым расположением. Поблагодарив за помощь, мужчина подхватил выданные вместо сапог валенки, вернулся в свою спальню – и прямо с порога увидел, как на его постели развалился здоровенный котище.

– А ну-ка брысь, блохоносец!

Получив в ответ предупреждающее шипение, Александр с помощью увесистых валенок восстановил справедливость: первым уговорил своего обидчика покинуть кровать, а вторым позорно промахнулся, вместо самого кота попав в дверь. Подобрал войлочное оружие, поплотнее притворил за местным скусом дверь и с облегчением завалился под толстое, пошитое из невероятного количества разноцветных лоскутов одеяло.

«Прямо беда с этими животными. Или это мне так везет? В Олькуше – петух, тут кот – сподобился... или это он проявляет солидарность с тезкой?»

Сон его был хоть и глубок, но достаточно чуток – и именно поэтому утро для князя началось с осознания двух печальных истин. Первая – четвероногий поганец перемещается по дому без малейшего шума. И второе – эти валенки ему поносить не удастся. Охающая и ругающаяся

Марыся выдала ему запасные сапоги мужа, которые в полном соответствии с законом подлости, были малы. Несильно – слегка, можно даже сказать, что почти и впору. Но передвигаться в них было и непривычно, и холодно. Впрочем, в долгу Александр не остался: улучив момент, когда Ульяна убежала к подружкам, а ее мама отправилась обихаживать многочисленную живность, он подошел поближе к живой мышеловке, разомлевшей и заснувшей на теплой печке, и наложил на него крест. В прямом смысле наложил – под рукой ничего подходящего не оказалось, и пришлось оперативно воспользоваться висящим на стене деревянным символом веры.

Тресь!

Ошалевший кот подпрыгнул и, не разбираясь, что это такое страшное ему приснилось, пустился наутек. А так как был спросонья, то начисто проигнорировал законы гравитации, непринужденно пробежавшись по стене, окну и скрывшись в вентиляционной отдушине под потолком.

Вернувшаяся с ведром молока, хозяйка застала своего гостя за дегустацией травяного сбора из иван-чая и мяты. Выглядел он при этом умиротворенно-довольным, а взгляд его с большим интересом скользил по затейливой резьбе на потемневшем от времени, но все еще крепком кресте из душистого кипариса. Следующие три дня отставной ротмистр отдыхал душой и телом: переработал на поленья примерно полтора воза промерзших до стеклянного звона березовых чурбаков, слегка помахал лопатой, перекидывая снег в одну большую кучу. Ледяная горка вышла – просто загляденье! Отведал березовых и дубовых веников в настоящей деревенской бане. Перепробовал все мыслимые соленья и варенья, отоспался впрок, ну и вплотную подошел к порогу скуки. Выручил, как ни странно, хвостатый: объявив гостю тихую войну, он всеми силами пытался проникнуть во вражеское логово на втором этаже, с целью устроить там свой туалет. Получалось не очень, так как теперь дверь была постоянно закрыта, а отдушина под потолком забита куском овечьей шкуры. Да и обувка теперь запиралась в платяной шкаф вместе с остальным багажом – короче, сплошное расстройство. Неудачи так выбили его из привычной колеи, что он пару-тройку раз даже пытался покусать Александру ноги – видимо, поднабрался дурного от дворовой псины. А князь, в свою очередь, использовал каждый удобный случай, чтобы подержаться за увесистый крест. И с каждым удачным «крещением» чувствовал, что память о неудаче с горластым петухом из Олькуша его понемногу отпускает...

На четвертый день тихой, но бескомпромиссной войны между котом и человеком домой приехал кормилец и поилец семьи, сам Савватей Елпифидорович. И не один, а в компании с Луневым. Только это был не тот Лунев, что Вениамин Ильич, а совсем даже Геннадий Арчибальдович. За последние полгода познакомившийся с географией и экономикой Вологодчины и соседних с ней губерний так хорошо, насколько это было в силах человеческих – на любой вопрос у него тут же был готов ответ, причем развернутый, с многочисленными примерами и обоснованиями.

«И все-таки мне определенно везет на нужных людей. Кто бы мог подумать, что молодой юрист начнет так хорошо разбираться в вопросах сельского хозяйства. Конечно, большая личная заинтересованность – дело хорошее, но без определенного таланта бесполезен любой пряник. Как, впрочем, и кнут».

– Да-да, я вас слушаю, продолжайте?

– Таким образом, в каждом уезде у нас... – Молодой юрист слегка замешкался и быстро поправился: – То есть я конечно же хотел сказать – у вас, Александр Яковлевич!

– Нет, Геннадий Арчибальдович, вы выразились вполне верно, именно у нас. Проект этот – мой, но ведете его именно вы, так что именно – у нас. Продолжайте, прошу.

– Слушаю-с. Я предлагаю предпринять следующий образ действий. В каждом уезде выбранной вами губернии ставить один большой перерабатывающий центр рядом с железной

дорогой и с десяток маленьких, ну или чуть больше, по волостям. Это придется каждый раз по месту решать.

В доказательство своего заявления Лунев-младший с видом опытного офицера-генштабиста разложил на пустом обеденном столе большую карту, на которой красным карандашом были обведены контуры Вологодской, Ярославской, Тверской и Костромской губерний. Многочисленные точки будущих центров, линии проселочных дорог, отчетливый след от стакана, небольшое синее пятно от капнувших чернил – и великое множество поясняющих надписей, как на самой карте, так и на ее обороте. Короче, солидный рабочий документ, одним своим видом доказывающий, что его составитель и не думал сачковать.

– Ну и цена вопроса...

Геннадий тихонько набрал воздуха, глянул на князя и выдохнул рассчитанную им сумму:

– Не меньше двух с половиной миллионов рублей на ассигнации.

Не увидев ожидаемого возмущения, мужчина уточнил:

– На каждую из губерний, ваше сиятельство.

Опять не заметив никакой реакции, юрист решил идти до конца:

– И это только предварительный расчет. Так что, скорее всего, будут еще и дополнительные расходы.

Александр едва заметно вздохнул.

«Да уж конечно будут, когда это без них обходились. Большой перерабатывающий центр встанет мне в двадцатку, малый – тысяч в пять. Все остальное уйдет на покупку имений у помещиков... Блин, как же сильно жаба давит-то, прямо дышать нечем!»

– Подготовьте смету расходов и все остальные документы.

– На какую из губерний, Вологодскую?

Еще раз вздохнув (жаба на глазах превращалась в динозавра), промышленник-аристократ распорядился:

– На все четыре. И нормальную карту, для меня. Что по персоналу?

– Можно сказать, что никак. Совсем никак, ваше сиятельство, и перспективы пока неясные.

– Подробнее?

Минут через десять князь пожалел о своем указании: глава еще не существующей компании оказался изрядным педантом (впрочем, для юриста это было несомненным достоинством), так что жаловался на трудности очень основательно и с большим размахом. Таким большим, что у фабриканта даже рука затекла, пока он конспектировал большую часть жалоб.

– К счастью, кое-какие варианты все же есть. Как раз в Тверской губернии имеется, прошу прощения за невольный каламбур – широко известная в узких кругах школа масло– и сыроделия, устроенная неким господином Верещагиным. Учебный курс в ней длится полгода, плата за обучение – вполне божеская, принимают всех, кто только в состоянии заплатить. А если пообещать существенное расширение школы, так еще и скидку сделать могут. Нам же маслоделов – ой как много надо!

Александр слегка довернул корпус и посмотрел на хозяина дома, все это время тихо присутствующего на импровизированном совещании:

– Савва, у тебя родственники есть?

– Как не быть, Александр Яковлевич, почитай, полсела в них числится.

– И сколько из них захотят в компании работать?

– Ну, тут подумать надо, со стариками поговорить. Вам ведь молодые нужны? Мыслится мне, дюжины с две парней можно найти.

– А что, женщины к такой работе не годны?

С виду простой, вопрос погрузил обоих собеседников князя в недолгий ступор. После чего юрист осторожно согласился с тем, что попробовать можно. А хозяин дома, наоборот,

позволил себе усомниться (впрочем, не менее осторожно), что особ женского пола вообще согласятся взять на обучение.

– Вот и узнай. Заодно договорись о том, что со следующего месяца от нас ученики пойдут. Геннадий Арчибальдович, сколько там по вашим выкладкам требуется?

Лунев-младший скорбно вздохнул и «обрадовал» собеседников итогом своих расчетов:

– Много, ваше сиятельство, просто чудовищно много. На одну губернию самое малое – пять сотен маслоделов и сыроваров. Полсотни механиков, тысячи две человек на производство консервов и прочие работы. Сто десять счетоводов, управляющие, еще ряд специалистов... И все эти цифры надо умножить вчетверо.

Последние слова юрист буквально выдавливал из себя, понимая, что князь Агренов – не чудотворец и такую прорву специалистов ему не «родит» при всем желании. А значит – желанный пост директора Русской аграрной компании так и останется всего лишь туманной, а не реальной перспективой. Если только не умерить аппетиты до одной губернии... Или даже трех-четырех уездов? Тоже ведь неплохое начало, как ни крути!

А промышленник тем временем неспешно листал исписанные страницы записной книжки и обдумывал полученную информацию.

«Да, изрядно получается. Хорошо хоть, что все эти люди понадобятся не ранее чем через год. Так! Ну, на производство «тушняка» и прочей попутной продукции я людей найду. И даже с избытком – у меня на фабрике такие списки желающих устроиться на работу, что пришлось для них отдельный шкаф завести. Жаль только, что в основной массе это бывшие крестьяне, если кто станок какой издали видел – уже за крупного специалиста идет, хе-хе. Так, кто там дальше? Механики. Ну, это совсем просто. Гриша как-то говорил, что некоторые из солдат-отставников по земле тоскуют, по своему дому. Вот пускай новую специальность осваивают и – вперед, на баррикады. Заодно там и охранниками поработают, а в свободное время нехай в огородах копаются. Конечно, и настоящих механиков тоже надо будет организовать, для самых сложных случаев, но все же не такую прорву. Так, кто там еще? Счетоводы-бухгалтеры-управляющие... Да, с этим посложнее будет. Только не мне, а Горенину, пускай включается в производственный процесс, а заодно и контролирует расходную часть проекта. Ух ты, да я наконец-то начинаю настоящим эксплуататором становиться?! Так, маслоделы и сырокаты, где бы вас взять? Вернее, где же это вас Савватей будет искать-то, такую кучу народа? Прямо даже жалко его становится... Наверное, еще Сонины надо озадачить, среди приходящих на фабрику крестьян поискать. Ну что, начинаем сеанс выдачи ценных указаний».

Помолчав и полистав записную книжку, Александр кивнул сам себе и стал вещать. И чем больше он говорил, тем больше оживал Лунев-младший, буквально впитывая в себя каждое его слово и прямо-таки кожей ощущая всю значимость такого исторического момента. Прямо на его глазах (и не без его участия) рождалась крупная компания! Его сиятельство перечислил стоящие перед ее без пяти минут директором проблемы, тут же наметил пути их разрешения и буквально по пунктам продиктовал, чем будет заниматься его собеседник. Геннадий для начала отправлялся к господину Верещагину, договариваться о некотором расширении его школы. С пятидесяти мест до трехсот, не больше. А попутно запустить слухок, что новое производство будет запускаться где-нибудь в Саратове, а то местные артели всполошатся и начнут вставлять палки в колеса. Потом в Санкт-Петербург, навестить дорогого дядюшку, за документами финансового порядка (то есть чековой книжкой) и немалой толпой юристов: массовая скупка имений у разорившихся помещиков – дело такое, что лучше его проводить и одновременно, и на разные фамилии. Во избежание слухов и прочих неприятных мелочей, вроде подорожания земли. Процесс этот долгий, можно даже сказать – деликатный, а посему наверняка затянется как минимум на год. А скорее на все полтора-два, а тем временем и персонал для сети перерабатывающих центров подоспеет. Как и документы на новую компанию, как и сами постройки, и многое-многое другое...

Поглядев на Савватая, охреневающего прямо на глазах (такой масштаб его скорее пугал, чем вдохновлял), Александр излил часть указаний и на его опухшую от уже услышанного голову:

– Савва. Первым делом набираешь себе из своих же родственников дюжину помощников. С месячным окладом в тридцать рублей. Каждому. И как только Геннадий Арчибальдович договорится насчет школы, обеспечиваешь ее быстрое расширение и набор учеников – человек триста для начала. Их размещение, питание и тому подобное – все на тебе.

– Да помилосердствуй, Александр Яковлевич, не потяну я такого. Не по Сеньке шапка, ну вот ей-богу! – В доказательство своего утверждения хозяин дома размашисто перекрестился в направлении на красный угол¹. Не убедил.

– А кому сейчас легко? Так что справишься. Совсем тебя без помощи не оставлю, пришлю несколько человек. «Скорее уж, несколько десятков». – Но и сам тоже не ленись. За каждого, кто пойдет учиться, – рубль твоим помощникам, рубль тебе. За того, кто выучится и начнет работать по специальности, – два рубля им, три тебе. Штрафы тоже будут и точно такие же. И людей не абы каких выискивай, а сирот, да молодых и семейных. Вопросы?

Командный тон подействовал на бывшего конного объездчика госграницы весьма и весьма благотворно, убив все сомнения буквально на корню. Да и упоминание насчет денег пришлось очень даже к месту. Так что Савватей Вожин подскочил, вытянулся по стойке и рывкнул:

– Никак нет, вашбродь!

– Вот и славно. А у вас, Геннадий Арчибальдович?

У работников князя оказалось редкое единодушие: спрашивать они ничего не хотели, со всеми предложениями были согласны и при этом явно желали как следует поразмыслить над полученными указаниями. Лепота!.. Зато вопрос, а вернее даже вопросы, задала поднявшаяся на второй этаж Марыся – на тему того, кого именно ей сегодня зарезать. Ну, то есть что гости дорогие желают на обед: куриного супчика или же жареного гуся с гарниром из картошки? Смерть дыхнула и на молочного поросенка, но все же в этот день не повезло именно молодому гуся.

Тресь!

Но осторожничающий в последнее время котяра ловко увернулся от слишком близкого знакомства с кипарисовым крестом. То есть почти увернулся, отделавшись даже не ударом, а скорее легким толчком в бок. Его обидчик негромко выругался и с сильной неприязнью посмотрел на сельского скунса по имени Васька. Который, между прочим, и не думал убежать или как-то прятаться, а вместо этого поудобнее развалился на теплом выступе стены и принялся наводить гигиену. Поводов для торжества над неловким двуногим у кота было хоть отбавляй: во-первых, смог увернуться от встречи с холодной и твердой разлапистой палкой со стены. А во-вторых, его упорство принесло свои плоды. Кусок овечьей шкуры не выдержал постоянных тычков головой и пропустил-таки настоящего хозяина дома в свою комнату, временно оккупированную наглым пришельцем.

«Вот почему у меня стойкое впечатление того, что этот поганец сейчас мне презрительно ухмыльнулся?»

Появившаяся совсем недавно у Александра привычка проверять свою обувь перед надеванием пошла ему только на пользу. Именно благодаря ей (а еще и своему обонянию) он понял, что придется ему задержаться на денек-другой у своего бывшего денщика. Не уезжать же ему в одних вязаных носках? Сапоги были безвозвратно испорчены, валенки тоже, а бегать в нос-

¹ То есть угол жилища, в котором по традиции размещали семейные иконы и маленькую лампадку. – *Здесь и далее примечания автора.*

ках по ноябрьскому снегу как-то не прельщало. Так что Савва был немедленно мобилизован, снабжен неоскверненным сапогом в качестве образца для подражания и отправлен в уездный город добывать второй. Или новую пару – такие мелочи командира не интересовали. А также за газетами, в очень больших количествах. Ну а сам князь Агренов попытался посильно выразить охватившее его негодование, и первые два раза ему это даже удалось. Затем хвостато-полосатая скотина утроила бдительность и к тому же перестала спать на привычных местах. Не прекратив при этом попадаться на глаза и всячески изгаляться – то неспешно пройдет на расстоянии вытянутой руки и потрется об ногу Марыси, то развалится на руках у Ульянки и начнет мурлыкать с ехидными интонациями.

Оглядевшись и прислушавшись, уважаемый гость ногою подтянул к себе небольшую лавочку. Короткий разбег, толчок ногой – и в этот раз Васке все-таки прилетело по наглой усатой морде. А князь тем временем еле-еле успел возвратить свое оружие на полагающееся ему место – вернувшаяся с улицы в дом Марыся удивленно пронаблюдала, как аристократ поправил и без того ровно висящий на стене крест. После чего с весьма одухотворенным лицом размашисто перекрестился.

– Хорошая вещь, покой дарит.

– И Саввушка так же говорит. Он ему еще от батюшки покойного перешел, в наследство.

Уцепившись за последнее слово, Александр парой-тройкой направляющих вопросов перевел разговор на то, как молодая супружеская пара обустроивалась на новом (ну, понятно, что для самого Савватаея очень даже старом) месте. Послушал короткий, но очень эмоциональный рассказ про то, как им все помогали, работая чуть ли не за спасибо, какие в общине доброжелательные и хорошие люди вообще и соседки в частности, и попытался вспомнить, сколько он там выделил своему бывшему денщику на обустройство. Точная сумма все никак не вспоминалась, но по-любому он не мог дать меньше пятисот рублей.

«Неудивительно, что в селе их приняли хорошо: мужики с села им за полдня старый дом с постройками снесли – накормил и напоил от пуза да бревна разрешил забрать. От надела отказался, родне слегка помог, в храм божий сколько надо занес. Новый дом поставили – опять село напоил-накормил. Как к такому плохо относиться? Странно, что Марысю подруги не одолевают. Наверное, меня побаиваются?»

Поздним вечером вернулся из своего сапожного рейда и сам Вожин. Привез две кипы газет для командира, полсотни карамельных петушков и сердечек, нанизанных на хрупкие палочки из обычной соломы – Ульяне и ее подружкам от «дяди Саши». Ну и дежурный подарок жене, в виде ярко-алого платка с незатейливым узором по краям. Выложил все это богатство прямо на стол, и пока супруги миловались за дверью, а их дочка перебирала фигурные кусочки плавленого сахара, отставной ротмистр решил разглядеть поближе шедевр полукустарного творчества местных текстильщиков. Было в платке что-то такое смутно знакомое, но вот что именно, понять не удавалось.

– Александр Яковлевич, докладываю! Заказал новую пару, завтра утром будут готовы, вот. Ну а к полудню я их вам прямо сюда и представлю, чтобы, значит, полный порядок был. Да, а что со старыми прикажете делать?

– Да что хочешь, то и делай, мне они уже ни к чему.

Судя по довольной mine на лице Савватаея, сапоги после командира будет донашивать именно он. А что? Офицерские, почти новые, с щегольским скрипом. Хромовые! Такая вещь на дороге не валяется и стоит соответственно. Нет, ну в самом-то деле, не выкидывать же их? Мигом соседи подберут да на свои ходули пристроят.

Самого же князя в данный момент интересовало иное. Поняв, что именно казалось ему знакомым в узор на платке, он тут же поинтересовался у гостеприимного хозяина, а много ли таких платков продается по ярмаркам.

– Да полным-полно, Александр Яковлевич. Из ситца есть, шерстяные там, шелковые да бумазейные². В общем, всяких полно. А что, надо?

– Да нет, это я так, ради праздного интереса.

Поглядев еще раз на незатейливый рисунок, в котором очень просто можно было разглядеть повторяющийся во всех возможных вариантах солярный знак – свастика, он же славянский коловрат, – любопытствующий аристократ задумчиво хмыкнул.

«Христианство на Вологодчине вот уж с тысячу лет как, а глянешь на вот такой вот платок – и вспоминаешь про свои настоящие корни. Поди, в такой глуши и настоящего родовера³ отыскать можно, если очень сильно захотеть».

– Ты мне вот что лучше, Савва, скажи. Когда прибавление в семействе будет?

Хозяин дома вздохнул и слегка сгорбил на лавке:

– Да если бы я знал, Александр Яковлевич. Вроде и стараемся, да вот не дает бог ребеночка. Я уж и насчет паломничества по святым местам начал задумываться...

– А что, дело хорошее. Заодно и по врачам пройдитесь, что-то из двух обязательно поможет.

Дальнейшую беседу прервало появление повизгивающей и галдящей оравы Ульянкиных подружек, как по волшебству слетевшихся на сладкое угощение. Увидев взрослых, а в особенности важного гостя (про которого дочка Савватаея уже всем успела растрезвонить, что это есть не кто иной, как ее лично-персональный дядя Саша), табунок малолетних девиц тут же притих и выстроился в некое подобие очереди. Получив желаемое, будущие невесты чинно благодарили маленькую хозяйку и тихо удалялись за дверь, чтобы там с полным комфортом и от всей души полакомиться карамельным подарком.

Вожин при виде такого благолепия мигом забыл про свою хандру и горделиво приосанился.

– Вот какая у меня умница да красавица растет! Поди, еще лет пять-шесть, и женихов со двора оглоблей гонять буду.

Юная красавица и в самом деле оказалась редкостной (для своих лет, конечно) умницей: оделив последнюю свою подружку гостинчиком, она не последовала за ней на свежий воздух, а, наоборот, бочком-бочком придвинулась к приемному отцу и дяде. И не с пустыми руками, а с небольшим альбомчиком, почти полностью заполненным ее незатейливыми почеркушками. Села поудобнее, разложила пяток цветных карандашей и стала что-то рисовать, время от времени поглядывая то на одного из беседующих мужчину, то на другого. А когда те заинтересовались столь необычным, даже можно сказать – тревожно-долгим, молчанием десятилетней девочки, та горделиво представила на суд взрослых итог своего получасового труда. Два портрета, Савватаея и его командира, выполненных в несколько авангардной манере.

«Н-да, синие волосы и красные глаза – это определенно новое слово в искусстве. Но похож, этого не отнять. Талант, получается?»

– Савва, а ты дочку свою в учебу отдавать-то думаешь или как?

– А что, надо?

Навострившая ушки Ульяна тут же стала в два раза медленнее собирать свои немудреные рисовальные принадлежности.

– Понятно, не думал. Тогда... Иди сюда, егоза. Учиться хочешь?

– Ага!

– Не понял?!

– Хочу, дядь Саш, очень! А чему?

² Род хлопчатобумажной ткани.

³ То есть поклоняющегося старым славянским богам: Роду, Сварогу, Велесу, Триглаву, Ладе...

– Там видно будет. Года через два и посмотрим. А может, и пораньше. Ну все-все, иди погуляй, нам еще поговорить надо.

Наконец-то собрав пять несчастных карандашей и тоненький рисовальный альбом, юная, но подающая большие надежды художница унесла их к себе в комнату. Так же спокойно накинула свой овечий тулупчик и, из последних сил удерживаясь от радостного визга, метнулась за дверь:

– Пронька! Иди быстрее, че скажу-у-у!!!

Внимательно оглядев комнату на предмет неприятных сюрпризов и не найдя таковых, Александр успокоенно вздохнул и сел в небольшое кресло, всем своим видом напоминающее скорее ожиревший до невозможности стул. Подцепил пальцем кокетливый бантик на шпагате, удерживающем газеты в одной стопке, потянул, дернул и вытащил на свободу толстые «Губернские ведомости». Затем журнал «Развлечение», потом любимый более других «Вокруг света», еще пять газет... Часа через четыре, когда все печатное слово было благополучно усвоено, князь покинул жесткое и неудобное кресло и вытянулся на кровати. Новостей было немало. Во-первых, в своих путешествиях по границам и прочих делах он умудрился пропустить закладку Великого Сибирского пути. Которая, между прочим, совершилась еще в мае месяце уходящего года, рядом с Владивостоком. Причем к этому, вне всяких сомнений, историческому моменту приложил свою августейшую руку сам цесаревич Николай Александрович. Вот только сделал он это как-то непонятно. То ли торжественную речь толкнул на три часа кряду, с всемиловейшим перерезанием ленточки и маханием рукой, или просто шпалу пнул августейшим сапогом и красиво выругался – такие подробности репортеры не раскрыли. Зато теперь будущий император считался авторитетным специалистом по Сибири вообще и железнодорожному строительству в частности.

«Оправился, стало быть, царевич-надёжа, от знакомства с красотою Японии».

Вторая заметная новость пришла из Франции – и заключалась в большом оползне, приключившимся в самом сердце Парижа, на холме Монмартр. Начисто снесло строящуюся там базилику Сакре-Кёр, половину Пляс дю Тертр и чуть-чуть пометило примерно треть лестниц.

«То есть церковь имени Сердца Христова уползла вместе со своим фундаментом метров на двадцать – тридцать вниз по Горе Мучеников (хе-хе, первая в мире пересадка сердца!), заметно скукожилась площадь Холма, и слегка повыбивало-покорежило гранитные ступеньки на пути оползня. Нормально. Можно сказать, что парижане обделались легким испугом».

Третья новость заключалась в том, что в новом году, ближе к лету, ожидалось заметное повышение таможенных пошлин на ввозимое в империю промышленное оборудование.

«То есть грядет очередная война акцизов между Российской империей и Вторым рейхом. Мы будем воротить нос от их станков, а они – от нашего зерна и масла. Заодно и труженикам Туманного Альбиона станет немного кисло – немало станков приходит к нам и от них. Н-да. А ведь, пожалуй, еще год-два, и я бы смог отхватить себе неплохой кусочек рынка! Пока же придется, так сказать, на общих основаниях».

Более того, это самое повышение должно было ударить и по самому князю: часть станков и оборудования для заводов в Кыштыме и Коврове была готова, и вполне возможно, что даже уже грузилась в вагоны. Но именно что часть, причем незначительная. Основной же поток как раз и планировался-ожидался на позднюю весну и середину лета...

«Значит, надо пнуть Круппа с Тиссенем и отправить Лазорева в Швейцарию – пусть не все, но хотя бы основное надо протащить в Россию до повышения тарифов».

Остальные вести относились к недавно отгремевшей битве за урожай – сколько пшеницы собрали-продали и тому подобное, а также мелочам вроде светских хроник и некрологов. Ну и новостей, из ближнего и дальнего зарубежья, кои прошли горнило цензорских правок и очень многословно рассказывали все о той же светской жизни титулованных особ, с редкими вкрап-

лениями финансов и политики. Скукота в общем-то, но даже она оказалась полезной, так как после этого чтива сон пришел словно по мановению волшебной палочки. Тяжеленькой такой. Бум! И ты уже спишь...

Проснулся Александр от непонятного звука. Как будто что-то мягкое и в то же время упругое уронили на пол. Не шевелясь и не изменяя ритма дыхания, он слегка приоткрыл глаза, провел взглядом по двери (закрыта), затем по комнате – и тут же нашел источник своего беспокойства. Размыто-серая тень неслышно двигалась по полу, пересекая комнату по диагонали, время от времени замирая и прислушиваясь. Кот Васька проинспектировал платяной шкаф, убедился, что он все так же закрыт, посидел перед дверками и недовольно подергал хвостом, после чего нацелился своим усатым локатором на стоящие у кровати войлочные тапки.

«Да что за жизнь такая! То петух горластый, то кошка-вонючка вместо будильника. Но петух хотя бы обувь не трогал!»

Стоило князю пошевелиться, как хвостатый прищелец тут же застыл на месте. А встретившись взглядом с человеком, и вовсе развернулся на месте и вальяжно зашагал в обратном направлении, курсом на вентиляционное отверстие под потолком. Прозвучавший шорох ускорил его шаги, а прилетевший по заливку тапок и вовсе придал всем его движениям невыразимую ловкость и грациозность – такую, что уже через секунду его не стало видно. А через две – и слышно. Как бы то ни было, рассвет нового дня Александр встретил хмурым и невыспавшимся, с мыслями о показательном расстреле нарушителей его ночного отдыха. Настроение слегка поправил визит в баню и вкусный завтрак в виде пшеничных оладьев со сметаной и медом. В плюс пошло и прибытие новых сапог, в комплекте с билетом на вечерний поезд (инициатива Савватая в этом вопросе оказалась очень кстати).

– Вот, Александр Яковлевич, сделали в самом лучшем виде!

Обновка действительно оказалась неплохой. А учитывая тот факт, что никаких примерок не было, и мастер изваял обувь менее чем за сутки, – вообще отличной, являясь настоящим шедевром сапогостроения. Нигде не жало, не хлябало, и вообще они на ногах сидели как родные, обещая своему владельцу привычный уровень комфорта. Посидев еще немного за столом, гость отправился к себе в комнату, одеваться да собираться в путь-дорогу. Собственно, и собирать ему было особо нечего, да и надевать тоже – выбор имелся лишь между гражданской одеждой, более уместной в большом городе, и формой офицера-пограничника, удобной как раз для путешествий по сельской местности.

Утро любой деревенской женщины начинается очень рано, самое позднее в полпятого утра: подоить корову, задать ей и прочей, более мелкой живности корму, приготовить еду на все семейство. Да мало ли работы у хорошей хозяйки? А в этот день Марыся встала еще раньше, так как ее муж отправлялся в Грязовец. Вспомнив, из-за чего, а вернее даже, из-за кого он вынужден тащиться по морозу в уездный город, хозяйка вздохнула и поискала взглядом мелкого паршивца. Так неудобно получилось! Хорошо хоть, что его сиятельство не рассердился, как того следовало ожидать – видимо, потому, что Ульянка у него в любимицах ходит.

– У, поганец этакий!

Как по заказу появился и сам виновник, при виде хозяйки моментально замурлыкавший. Весь в ожидании законной мисочки молока, ага. Вот только в этот раз вместо молока ему прилетело влажной кухонной тряпкой по наглой полосатой морде. Одновременно с пожеланием-приказом: заняться мышами в подполе, а то они совсем страх потеряли, не видя кота целыми месяцами. С рассветом вниз спустился хмурый князь, вежливо поздоровался, попросил кувшинчик сладкого ржаного кваса и на час исчез в основательно протопленной еще с вечера бане. Вернулся уже не таким сердитым, ополовинил горку свежей выпечки, и вроде начал отходить от дурного настроения – Марыся нет-нет да и поглядывала на его лицо самым краешком глаз. Увидев, что вроде бы момент вполне подходящий, хозяйка решила попытаться

счастья, задав вопрос насчет дочки. Точнее, насчет ее будущей учебы – муж-то на все вопросы только отмахивался да говорил, что и сам толком ничего не знает.

– Лет до шестнадцати в подходящем ей пансионе поучится. Не понравится, я ей домашних учителей найду. Ну а потом как захочет – или на художницу, или еще на кого. Или сразу замуж, если жених подходящий найдется.

Такой жизненный путь дочери у Марыси вызвал полное и безоговорочное одобрение (все не в поле горбатиться с утра до вечера). К ее большому сожалению, еще поговорить на такую интересную тему (будущее своего ребенка для любой матери – на одном из первых мест, уступая разве что его же здоровью) хозяйке не удалось – за окном забрежал и засуетился здоровенный лохматый кобель. Не просто так, конечно, а приветствуя вернувшегося из недолгой командировки Саввата. Кормильца и поильца, да и вообще подателя практически всех благ, какие только полагались добросовестному охраннику обширного двора. Кстати, насчет добросовестности – хозяйка, спеша встретить супруга, как-то совсем некстати вспомнила, что их пес ни единого раза не попытался цапнуть гостя. Который, между прочим, совсем недавно на пути в баню как-то мимоходом погладил его лобастую голову, совершенно не убоившись немаленьких клыков. И назвал его при этом не Шариком, а непонятным Шарабаном.

– А ну, пошел к себе! Кому говорю?!

Сигнализация и передвижной капкан в одном флаконе (а вдобавок еще и ненасытная утроба) тут же слегка поджала хвост и перестала весело облаивать гнедого жеребца, запряженного в сани. Гостинцев в этот раз глава семейства не привез, зато сам быстро обернулся – чем не подарок для жены с дочкой? Заведя свое роскошное средство передвижения на подворье, муж глянул по сторонам и первым же делом облапал свою благоверную. Увернулся от шутилого подзатыльника и клюнул-поцеловал холодными губами, попутно осведомившись: как там гость дорогой?

– Тебя ждет, выпечку пробует.

– А Улька где?

– Да она еще спозаранку к подружкам убежала.

Но, увы, сведения оказались частично устаревшими – к тому моменту, когда чета Вожиных вернулась в свой дом, его сиятельство так основательно распробовал оладьи, что их почти и не осталось. Так что он просто отдыхал от трудового подвига за столом, допивал оставшийся в кружке чай и время от времени с непонятной задумчивостью поглядывал на кота.

– Александр Яковлевич, может, еще наготовить?

– Да ну что вы, я и то, что было, еле-еле одолел. Так что благодарствую за угощение, теперь, пожалуй, до самого ужина не проголодаюсь.

Надо сказать, еще с Олькуша Марыся изрядно терялась, слыша от своего гостя столь вежливое обращение. Кто он – и кто она! Вельможный князь, офицер в немалых чинах, богатый настолько, что у нее просто воображение отказывало, – и разговаривает с ней исключительно на «вы». Ну, или когда особенно в настроении, заменяет более теплым – хозяйюшка.

Подхватив на руки привезенную мужем обновку, гость покрутил в руке левый сапог, покосился на греющегося на печке кота и удалился на второй этаж, собираться и готовиться к отъезду. А оставшиеся наедине супруги занялись делом: он усердно заработал ложкой, а она сидела напротив и с легкой улыбкой глядела за тем, как ест ее мужчина... До той самой поры, пока с улицы не донесся басовитый лай Шарика. Вышла посмотреть, кто там пожаловал – и почувствовала, как по сердцу прошелся легкий холодок затаенного страха. За калиткой обнаружился староста, но не он был причиной испуга – в двух шагах от общинного головы на утоптанном снегу стоял сам становой пристав, важно и в то же время с интересом рассматривающий двухэтажную резиденцию Вожиных.

– Чего стоишь, уйми псину! Не видишь, что ли, на кого лает?

В селе появление и простого полицейского урядника уже было событием тревожным, а тут такой чин пожаловал! Дождавшись, пока собачий голос утихнет, Прокофий Афанасьевич напористо поинтересовался:

– Савватей-то нынче дома? Ну так чего замерла как неживая, ве-ди давай!

Муж при виде станового пристава хотя и дрогнул лицом, но суетиться не стал, да и вообще проявил непривычное для чиновного гостя спокойствие, тем самым немало его удивив. Да и не только его – староста нет-нет да и поглядывал на осмелевшего непонятно с чего сельчанина.

– Вожин Савватей?

– Он самый буду.

Не услышав привычного «ваше благородие», становой пристав недоуменно приподнял кустистые брови и совсем было начал багроветь щеками, но все-таки сдержался и продолжил говорить:

– Мне донесли, что у тебя гость поселился, дрова колет, лопатой машет. А сам в больших чинах, да к тому же чуть ли не в дворянском достоинстве обретается. Так?

Грозные интонации в голосе и отчетливый намек на приближающиеся неприятности не услышал бы только полностью глухой и частично слепой собеседник пристава. Савватей услышал. Но не внял. Вместо этого, предварительно покосившись на Прокофия Афанасьевича, все так же односложно ответил:

– Так.

Опять не услышав про свое благородие, полицейский чиновник, против ожидания, даже сердиться не стал. Уперся в столешницу своими немалыми кулаками, навис над хозяином дома и с искренним недоумением спросил:

– Ты, Вожин, как я погляжу, совсем страх божий потерял? Ты как с властью разговариваешь, олух царя небесного? Мне «горячих» тебе выписать для вразумления или как?

Дружескую беседу прервал звук шагов. Размерно-громкий, он совершенно по-разному подействовал на всех, кто находился в горнице: предводитель общины тревожно шевельнулся, становой замер в неподвижности, а Марыся и ее муж совершенно успокоились. Вернее, успокоилась она, а ее муж и так особо не волновался. Увидев же его сиятельство, чета Вожиных дружно удивилась: в Олькуше Александр Яковлевич носил погоны штаб-ротмистра и всего один орден на груди.

– С кем имею честь?

На парочку незваных гостей появление офицера подействовало наподобие хорошей плюхи: кратковременный ступор и настороженно-ошеломленное молчание. Староста очнулся первым и с некоторой тоской поглядел на дверь. Господин пристав, в свою очередь, моментально оценил стоимость материала, из которого пошили мундир. Не ускользнуло от его опытного взгляда и сияние двух орденов на груди – Анны и Станислава, а также полнейшее отсутствие какого-либо волнения или недоброжелательности. Легкое удивление было, не без того.

– Становой пристав Золотов, Платон Алексеевич.

– Князь Агреньев, Александр Яковлевич.

Четыре коротких слова сняли если не все, то уж точно большинство вопросов. Золотов и сам был из мелкопоместных дворян (хоть и простых, нетитулованных) – на его должность иных старались не назначать – и за свою полувековую жизнь успел повидать многое. В частности, ему моментально стало понятно, что молодой офицер носит свою форму по праву; он далеко не бедствует; гораздо выше его по сословной лестнице; и самое главное – может доставить ему кучу неприятностей. И как офицер, хотя бы и в отставке, и особенно как представитель высшей аристократии – только у них в каждом слове причудливо переплетались холодная вежливость и уверенная властность. Да и вообще, ротмистр в такие годы – это какая же лапа в верхах должна быть?

– Прошу прощения за беспокойство, мне донесли о... некоторых странностях в селе. Как я понимаю.

Пристав на мгновение прервался и метнул многообещающий взгляд на скукоживающегося на глазах старосту.

– Вышло небольшое недоразумение.

– Ничего страшного, Платон Алексеевич, бывает. Кстати, раз уж мы с вами свели знакомство, не окажете ли мне честь небольшой беседой? А ваш сопровождающий пока подождет вас за дверью.

Марыся, зачарованно наблюдавшая за происходящим в ее доме действием, очнулась только после небольшого тычка от мужа. Вскинулась, увидела его гримасу и кивок на пустой стол и тут же засуетилась, наполняя начавшуюся между полицейским чином и их гостем беседу вкусными и ароматными деталями.

– Прошу вас, располагайтесь поудобнее.

Золотов благодарно кивнул и заметно расслабился, настраиваясь на приятное общение. А за следующие полчаса он настолько пришел в себя, что даже осторожно поинтересовался: правда ли, что родовитый аристократ утруждал себя таким делом, как колка дров? Ну и прочими занятиями, несколько странными для князя и отставного ротмистра.

– Ну а что же в этом такого? Мне как-то по случаю рассказывали, что граф Толстой ходит босой. А одет и вовсе в крестьянскую рубаху-косоворотку и посконные штаны. Вот это действительно номер так номер!

– Ну, сей господин – известный затейник, нам ли на него равняться?

– Вы, вне всякого сомнения, правы. Хотя... Не так давно я был на охоте в Гатчине...

Пристав совершенно неожиданно для самого себя замер.

– ...и с удивлением узнал, что сам государь император иногда любит развлечься таким вот немудреным образом. Да и великие князья не брезгают подобным делом – по настроению, конечно.

От таких рассказов замерли вообще все присутствующие. Дальнейший разговор как-то сам собой свернул на нейтральные темы и стал понемногу угасать. Да и вообще, собеседник его сиятельства как-то внезапно вспомнил об ожидающих его делах и стал потихоньку собираться – успев между делом пообещать князю Агреневу присмотреть за его бывшим сослуживцем. Чтобы, значит, злые люди не обижали, и особенно из тех, кто властью не обделен. Попрошавшись, вышел за калитку... И тут же подозвал к себе исстрадавшегося в ожидании неприятностей старосту. Злорадно улыбнувшись, Марыся на пять минут прилипла к небольшому оконцу в сенях-прихожей, пытаясь разобрать все то «хорошее», что изливал на поникшую голову Прокофия Афанасьевича полицейский чин. К очень большому своему сожалению, так ничего и не услышала, но и увиденного оказалось вполне достаточно. Главный общинник всей своей фигурой излучал вселенскую тоску и печаль и явно очень сожалел о проявленном усердии. И надо сказать, излучение это заметно усилилось после того, как становой пристав соизволил потрясти своим пудовым кулачком возле носа старосты. Вернувшись в теплую горницу, хозяйка как раз успела услышать окончание легкого выговора-внушения, что делал офицер-пограничник своему бывшему денщику:

– Работа у него такая, за порядком следить. Понял?

– Понял, Александр Яковлевич. Растерялся я малость, чего уж там, вот и получилось невежливо.

– Ну а раз понял, недельки через две навести его с каким-нибудь гостинчиком, прояви толику уважения. Обязательно извинись, да в общих чертах обрисуй, чем следующий год заниматься будешь. Все равно сам спросит, рано или поздно.

Проследив, как муж покосился на бутылку со сливовой наливкой, женщина догадалась, что именно получит в подарок становой.

– Александр Яковлевич, а вот то, что вы про царя-государя говорили, – оно и в самом деле так?

Утвердительный ответ хозяин дома переварил с заметным трудом и даже некоторой оторопью – вид императора Александра Третьего с колуном в руках и разбросанными вокруг полянками в его голове не укладывался никак. Совсем никак, ибо рушил всю привычную картину мироздания, в которой император правил на благо своих подданных, военные да чиновники верно служили, а крестьяне пахали землю. Марысе же было не до удивления – вначале домой вернулась дочка, и ее тут же погнали мыть руки и испачканную в чем-то мордашку. Затем гость спустил со второго этажа весь свой невеликий багаж, и она вспомнила о необходимости собрать чего-нибудь в путь-дорогу. Так сказать, на недолгую, но очень вкусную память – и кусок свиного окорока в этом плане подошел как нельзя лучше. Увидев все эти сборы, к ним тут же подключилась Ульяна, подарив неродному, но уже вполне любимому дяде Саше свой альбом для рисования. На что он тут же поклялся повесить свой портрет на стене кабинета, в отдельной рамочке. Женщина слегка увлажнившимися глазами проследила, как князь что-то шепнул на ушко ее дочери, отчего та просто расцвела, поцеловал ее в подставленную щечку и разрешающе кивнул мужу, уже примеряющемуся к чемодану командира. Хорошего настроения Ульянке хватило ненадолго – хлопнула носом, виновато улыбнулась и убежала в свою комнату. Следом за ней подалась и Марыся, успокаивать и отвлекать.

– Ну что, Александр Яковлевич, присядем на дорожку?

Вернувшись, глава семейства мазнул взглядом по столу, не увидел недопитой им наливки (непорядок!) и слегка расстроился. Машинально погладил котейку, выгнувшего спину от ласки, и обратил внимание на задумчивый взгляд командира, которым тот уставился на уса-того полосатика.

– Ты знаешь, Савва, а кот-то у вас какой-то странный.

Хозяин моментально согласился, вспомнив, сколько обувки за последнюю неделю перепортила мурлыкающая под рукой мелочь.

– Молодой еще, дурной. Вы уж не сердчайте на него, Александр Яковлевич – скотинка бессловесная, что она может понимать?

– Да нет, я не про это. Ты хоть знаешь, что он не любит, когда я при нем крещусь?

– Правда, штоль?

Вместо ответа князь Агренов подошел чуть поближе и размашисто наложил на себя крестное знамение. А его бывший денщик отчетливо почувствовал, как на какое-то мгновение у него под руками дернулся Васька.

– Это как же так, а?

– Ну-ка, определи его на вон ту лавку!

Мужчина в самом расцвете сил и возраста растерялся как маленький ребенок. Но все же без дальнейших вопросов и промедления выполнил все, что было указано, усадив домашнего любимца подальше от себя. А его сиятельство огляделся по сторонам, немного нахмурился и снял со стены отцово наследство. Резко подошел, выставил крест перед собой... Савватей в полном остоленении смотрел, как, вздыбив шерсть и шипя, словно три гадюки сразу, его кот задним ходом подался на выход из угла, в одно мгновение перемахнул немаленькую горницу и скрылся за печкой.

– По мне, так зря ты его в доме держишь. Ну да ладно, то дело твое. Поехали?

Глава 2

Александр шел по слегка заснеженным улицам Санкт-Петербурга и старался ни о чем не думать, отдыхая после очень сложного двухчасового разговора. Встреча с солнцем русской химии и патриархом мировой науки господином Менделеевым принесла ему не только много радостных эмоций, но и некоторую головную боль, а также определенный сумбур в мыслях. Так как Дмитрий свет Иванович, после всех тех интересных сведений и не менее интересных заказов, что вывалил на него князь Агренов, вполне закономерно записал своего титулованного работодателя в особы, «имеющие некоторое представление о химии». Итогом такого признания стало то, что великий ученый несколько расслабился и стал обильно уснащать свою речь профессиональным сленгом химиков. Соответственно, и понимать его стало в разы и разы сложнее. Так как некоторые сокращения и термины, общепринятые в химической науке девятнадцатого века, звучали для Александра непонятной абракадаброй. Или вообще сущей ересью – с точки зрения правоверного (хоть и сильно недоучившегося) студента-химика, получавшего свои знания на стыке двадцатого и двадцать первого веков.

«А пару раз так и вообще ничего не понял! Зато запомнил. Ладно, зайду в букинистическую лавку и поищу какой-нибудь справочник. Или словарь, русско-химического языка».

Зато теперь он знал, что просить Менделеева рассказать о чем-либо поподробнее очень опасно – тот самый случай, когда надо бояться своих желаний. Иначе вполне возможен кратковременный паралич мозга, пытающегося поддержать беседу на должном уровне, да и общий ступор организма просто-таки гарантирован.

Главным же итогом нынешнего утра стали три события – одно крупное и два сравнительно мелких. Первое: он своими руками потрогал опытную модель ацетиленовой горелки, перед тем как ее стали готовить к отправке в Сестрорецк. И второе: вскоре в Варшавский окружной военный госпиталь повезут на клинические испытания сразу четыре килограммовые банки кислоты. Разумеется, не какой-нибудь там серной или борной (зачем бы она там была нужна), а совсем даже ацетилсалициловой. Но чтобы не мучить знакомого доктора медицины столь зубодробительным названием, Александр подписал банки проще – «Аспирин». Месяца через полтора, кстати, по тому же адресу отправят еще одну кислоту, на сей раз аскорбиновую. Ну и самое главное – великий химик согласился возглавить институт имени себя. Точнее, пока всего лишь скромный исследовательский центр, именуемый еще более скромно – лабораторией Менделеева. Надо сказать, Дмитрий Иванович долго не соглашался, находил веские причины и постоянно ссылаясь на свою вечную занятость вопросами науки... Первый раз он засомневался, когда узнал, что у него будут сразу два заместителя – по административной части и вопросам снабжения. Второй – когда ему сказали, что учеников-помощников, вернее, их денежное содержание возьмет на себя компания РОК. Третий – когда узнал, что в Кыштыме под производство пирокolloдия и удобрений его рецептуры строят целый химический комплекс и конечно же он будет на нем самым желанным гостем. Было еще и четвертое, и пятое, и даже шестое, но окончательно его добил тот факт, что его попросили выбрать место, где будут (ежели он только даст свое согласие, разумеется) ставить-строить саму лабораторию и два дома-коттеджа для его жен.

Вспомнив весьма своеобразное семейное положение знаменитого на весь мир ученого, Александр улыбнулся. И почувствовал, что понемногу приходит в себя.

«Даже тут проявилась его оригинальность! Развестись с одной, жениться на другой и продолжать как ни в чем не бывало общаться с первой. Зачастую завтракая с Анной Ивановной, обедая с Феозвой Никитичной, а ужиная опять же в обществе молодой супруги. К тому же, насколько я понял, они и на отдых в Крым ездят таким своеобразным трио. И дети между собой дружат. Одно слово – настоящий самец!»

Уже подходя к зданию юридической конторы «Лунев, Лунев и сыновья», молодой мужчина немного замедлил шаг, на пару мгновений задумался, после чего вообще остановился. Постоял так несколько минут, тряхнул головой, приходя в себя, и спокойно продолжил свой путь. Параллельно вспоминая, сколько раз за прошедший год его сравнили с демоном-искусителем. По всему выходило, что много: так много, что он даже не смог подсчитать. Он соблазнял перспективами и намеками, играл словами и смыслом фраз так, что его собеседники неизменно оставались довольны, считая, что его предложения в первую очередь несут выгоду именно им. К примеру, те химики, которых рекомендовал его недавний собеседник, соблазнились материальным достатком (тоже, если подумать, не последняя вещь) и возможностью свободного творчества. То, что темы и направления этого самого творчества определял работодатель, их ни в коем разе не смутило. А многочисленных знакомцев неугомонного Герта, с завидной регулярностью появлявшихся на его горизонте, он даже и не пытался хоть как-то соблазнить – наоборот, те сами были готовы доказать свою полнейшую необходимость и предоставить самые лестные (для себя, естественно) рекомендации.

Подойдя к небольшому крыльцу при входе в контору, Александр без малейшего удивления констатировал, что дела у почтеннейшего Вениамина Ильича идут все лучше и лучше. Старая двустворчатая дверь, покрашенная в темно-бурый цвет, бесследно пропала, и на ее месте гордо сверкали любовно начищенными бронзовыми ручками (скорее уж поручнями) две новенькие лакированные дубовые створки. Неплохо смотрелась и табличка рядом с ними, извещающая любого, кто только мог читать, о приемных часах. Но лучше всего выглядел швейцар, плавно и в то же время быстро открывший ему дверь и не забывший при этом почтительно склонить голову.

«Интерьеры, как я посмотрю, тоже освежил. И молодежи добавилось – в прошлый мой визит народу в конторе было заметно меньше, а возрастом – заметно старше. А вот и хозяин».

Выглядел личный юрист князя Агренева не очень. Слегка похудел, под глазами просматривались еле заметные тени, да и вообще здоровым видом не блистал, но держался бодрячком, встретив долгожданного гостя ровно посередине своего кабинета. Поприветствовал, дождался ответной вежливости и с места в карьер начал обсуждение накопившихся дел:

– Александр Яковлевич, ну наконец-то! Я уж раза два в Сестрорецк ездил, справлялся, когда вас можно ждать.

– Позвольте узнать причину такого нетерпения?

Причина, а вернее, даже повод искать встречи со своим клиентом у стряпчего был вполне уважительный: потомки героев Эллады решили приобрести двадцать пять тысяч винтовок Мосина – Агренева МАг, столько же револьверов «Грав», ну и боеприпасы ко всему этому богатству. Причем в количествах просто неприличных – примерно на год интенсивных боев всей греческой армии, к тому же в полном окружении. Еще они спрашивали про кое-какую амуницию и возможность рассрочки. Ну и сроки исполнения. Причем последнее интересовало так, что они едва ли не подпрыгивали от нетерпения. На грани этого был и Вениамин Ильич, так как упустить такой контракт... Точнее будет сказать – любой контракт, где ему полагались приличные комиссионные. Так вот, это было просто выше его сил.

– Понятно. Скажите, а эти господа в курсе, что предлагаемая им винтовка несколько отличается от победившего на недавнем конкурсе образца?

– Да, и не имеют ни малейших претензий. Даже, я бы сказал, наоборот – им очень понравились эти отличия.

– Н-да. Ну что же, начинайте готовить бумаги, точные сроки я назову после беседы со своим управляющим.

Юрист слегка замялся:

– Совсем забыл вам сказать, Александр Яковлевич. Я уже имел с ним разговор касательно этого вопроса. Андрей Владимирович твердо заверил меня, что ему представляется вполне

возможным выделатъ всю партию в полгода. И бумаги давно уже готовы. Собственно, все мы ждем вашего решения...

– И все-таки, с вашего позволения, Вениамин Ильич, вначале я должен принять доклад управляющего. Впрочем, и затягивать это дело тоже нельзя, так что назначайте встречу с греками на послезавтра.

Стряпчий прямо на глазах стал выздоравливать: в глазах появился довольный блеск, а на лице – легчайший румянец.

– Слушаюсь. С вашего позволения, я продолжу?

Чем дольше говорил Лунев, тем больше понимал князь причины столь нездорового вида своего собеседника. Начинаящий сидеть юрист потрудился и сделал столько, сколько и десятку молодых не зазорно сделать. Отправил нескольких своих подчиненных в далекую Испанию – там внезапно решили перевооружить свою армию чем-нибудь поновее и организовали соответствующие испытания и конкурс. Отслеживал аналогичные испытания в Чили – они как раз подходили к своему завершению. И вроде бы месяца через три стоило ждать гостей из Латинской Америки, так как изделие герра Манлихера чилийскую военщину не устроило, а другие претенденты смотрелись еще бледнее. Помимо дел оружейных, Вениамин Ильич не забывал и о других своих обязанностях, все так же добросовестно окучивая отечественных и иностранных предпринимателей на предмет продажи им лицензий. Правда, делал это все больше руками своих подчиненных, число коих не так давно перевалило за шесть десятков человек. Разумеется, не забывал он и отдыхать от трудов праведных – в основном в Москве и ее пригородах, где подыскивал для своего клиента лакомые кусочки недвижимости...

– Вот, для простоты восприятия я отметил на карте города все интересные нам участки земли.

– А что означают эти цифры?

– Это я для порядка, Александр Яковлевич, чтобы ничего не упустить и не перепутать. Шлеп!

На карту улеглась стопка исписанной бумаги, с характеристиками возможных приобретений. Места для постройки доходных домов, для размещения будущих заводов и магазинов, ну и на отдельном листке – для устройства московской резиденции князя Агренева.

– Если приобрести городскую землю в Большом Харитоньевском переулке, то будет место под застройку, причем совсем рядом с Мясницкой. Чуть подальше, в Пречистенской части, а еще точнее, в Гагаринском переулке – усадьба Нащокиных. Почти в десятину размером и всего за полтора-два тысяч. Еще чуть дальше, на углу со Староколюшенным, два участка у князя Гагарина – полторы десятины, двести шестьдесят тысяч на ассигнации. В той же части есть еще две усадьбы: Афросимовых, с хорошими строениями и обстановкой, в Обуховом переулке, за двести сорок тысяч, и задами к ним, в Денежном переулке, у Ермоловых – тоже в прекрасном состоянии, с садом, и всего за сто тридцать тысяч. – Докладчик на мгновение замаялся. Глянул на карту, листнул записи и тут же продолжил: – Также есть несколько больших и при этом недорогих домовладений в Арбатской части, у Спиридоновки и Поварской. И вариант с покупкой городской земли в Огородной слободе и Большом Харитоньевском. Конкретных переговоров о цене провести не успели, но если надо...

Молодой аристократ несколько минут помолчал, после чего утвердительно кивнул – надо.

– Теперь по поводу ваших финансов.

Стряпчий встал, дошел до громадного стального сейфа, по какому-то странному недоразумению называемого просто несгораемым шкафом для ценных бумаг, и с некоторой натугой открыл правую створку. Пошуршал многочисленными укладками и папками с пружинным переплетом (некоторые новинки он успевал оценить самым первым) и вернулся обратно.

– Вот-с, прошу – детальный отчет по всем вашим счетам.

Судя по некоторым ноткам в голосе Вениамина Ильича, вначале он хотел добавить что-то вроде «тем, которые мне известны». Но природная скромность все же оказалась сильнее мимолетного любопытства. Убрав в сторону очередную порцию важных бумаг, Александр жестом попросил продолжать дальше, но вместо этого Лунев опять отправился к своему огнеупорному шкафчику.

– Письма от господ Лодыгина, Вестингауза и Теслы. А в этом пакете – подробнейший доклад Арчибальда о текущем состоянии дел.

С легким треском надломив сургуч печати, молодой аристократ быстро заскользил глазами по удивительно ровным и четким строчкам первого письма.

«Угу-м, готов сотрудничать, выражаю благодарность, с интересом рассмотрю все ваши предложения. Не понял, что значит – по ряду причин опасается возвращаться на родину?! Злые кредиторы ждут, что ли? Или электрический стул раньше времени изобрел и опробовал на ком-то?»

Во втором письме Вестингауз тоже жаждал посотрудничать с русским фабрикантом, с нетерпением ждал конкретных предложений и вообще был готов направить своих представителей куда угодно для переговоров на любые коммерчески привлекательные темы. А если эти самые предложения окажутся ну очень сильно интересными, обещался и сам прибыть, в самые сжатые сроки. Прямо даже неудобно перед человеком становилось... В отличие от энергичного американского деловара, серб Никола Тесла никуда ехать не хотел – ему и на том континенте было вполне хорошо и комфортно. Но принять заказ на какую-нибудь интересную для него тему был согласен – как говорится, и то хлеб.

«Что бы ему такое подсунуть, чтобы потом лет десять о нем не вспоминать?»

Быстро перебрав самые бредовые идеи, Александр довольно хмыкнул и прямо на письме написал непонятное для юриста слово.

«Чем всякой ерундой вроде радио баловаться, пускай серьезным делом займется, антигравитатор изобретает. И беспроводной передачей электроэнергии озаботится, чтобы на проводах не разориться».

Самое последнее письмо оказалось и самым интересным. Скупка бескрайних просторов Техасщины потихонечку началась, и доверенное лицо, а по совместительству полноправный гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов Арчибальд Лунефф выражал по этому поводу осторожный оптимизм. А также твердую уверенность, что в смету расходов он ну никак не уложится. Потому что завязывание дружеских отношений с сенаторами и «прикармливание» полдюжины газет оказалось весьма и весьма затратным занятием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.